

в знак особого уважения и почтения и к родственнику мужа, и к своему родственнику.

Подобные запреты на имена были характерны для традиционного этикета народов Северного Кавказа, Поволжья, Севера, Средней Азии и Казахстана.

Табу на имена людей и термины родства создали целую систему вторичных имен. Об их изначальном предназначении можно лишь догадываться, но то, что они играли роль своего рода этического и этикетного регулятора взаимоотношений внутри родственной группы, несомненно.

О.Л. Цахилов

«ВРЕДОНОСНОСТЬ» УМЕРШЕГО В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОСЕТИН И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ НАРОДОВ

Различные суеверные представления, связанные с покойником, нашли свое отражение в погребальном ритуале едва ли не всех народов. В науке существует несколько объяснений этого явления: вера в душу, которая, покидая тело, может вредить оставшимся в живых (Тайлор); реальная опасность, исходящая от разлагающегося трупа (Ю.И. Семенов); боязнь возвращения мертвеца из могилы (С.А. Токарев) и др. В действительности эти причины не исключают друг друга, вопрос в том, которая из них лежит в основе упомянутых суеверий, а которая является их позднейшим толкованием.

Представление о «нечистоте» покойника, бытовавшее в мировоззрении восточно-грузинских горцев (хевсур, пшавов, тушин), привело к возникновению и существованию у них служителей культа мертвых: *нареви* (в их обязанности входило обмывание и обряжение усопшего, бодрствование около него, захоронение); *сулис хуцеси* (производили заклятие жертвенных животных во время поминок и поминальных дней, произносили поминальные речи и др.); *месултане* (прорицательницы души, с их помощью происходило общение с умершими). Поскольку *нареви* считались оскверненными прикосновением к умершему, их сторонились; они не имели права войти в свой дом или святилище, не совершив обряд очищения водой (Хевсурети) или не прожив определенное время в одиночестве (Пшави, Тушети) (Георгадзе 1979: 12).

У осетин помещение, где лежал покойник, тщательно убиралось, причем пол, как показывают проведенные нами полевые исследования, по ныне действующему ритуалу, обязана была

помыть овдовевшая женщина, так как замужней женщине покойник может навредить.

У сванов средством очищения дома от осквернения, причиняемого присутствием мертвого тела, являлась особая паста из очаговой золы, замешанной на крещенской воде и спрессованной в виде лепешки. В надлежащих случаях кусочки этой пасты разводили в воде и окропляли ею «оскверненное» помещение (Религиозные верования 1931: 93).

Невидимая для окружающих людей бесплотная душа (дух), судя по культовым действиям, которые ее окружают, обладает свойствами, явно идущими в разрез с представлениями о ее нематериальности. На наш взгляд, справедливо утверждение Ю.И. Семенова, согласно которому душа умершего первоначально являла собой не что иное, как олицетворение опасности, исходившей от трупа: «Она (душа) возникла лишь после смерти человека и существовала лишь в течение того времени, пока от трупа исходила опасность. С исчезновением последней исчезала и душа» (Семёнов 1966: 413). Этим был вызван обычай выносить покойника из помещения вперед ногами, связывать ноги, руки, заколачивать гроб (ПМА). Раньше это воспринималось как попытка «обезвредить» умершего, но со временем толкование этих действий изменилось. Связывание больших пальцев ног практикуется также у узбеков Ферганы (Кармышева 1986: 141), азербайджанцев (Эфендиева 1989: 8).

Этим же объясняется суеверие не поворачивать к дому гроб с телом после выноса, якобы покойник заберет с собой на тот свет еще кого-нибудь из членов семьи, в основном принято, как показывают наши наблюдения, развернуть умершего лицом к воротам, чтобы он попрощался с домом. В настоящее время эти ритуалы также соблюдаются.

Представления о «нечистоте» мертвого тела бытовали и среди таджиков. В верховьях Пянджа и долине Хуф обмывание покойника производилось обязательно левой рукой. По окончании церемонии вода, стекавшая с тела и собиравшаяся в корыто, выливалась по возможности дальше от дома. Корыто, ложка-ковш, кувшинчик для воды, веник, которым подметали пол после того, как из дома вынесли покойника, также выбрасывались в какое-нибудь уединенное место (Андреев 1953: 188).

Очистительные процедуры осуществлялись сразу же после выноса тела со двора. Ритуал очищения дома у таджиков-гиссарцев имел свои особенности. Так, после выноса тела несовершеннолетняя девочка или пожилая уважаемая в селе женщина посыпала мукой головы всех находившихся в доме; все мыли руки

и лицо, свои носовые платки водой, оставшейся после обмывания покойника — *оби шехи* («черная вода»), обрызгивали ею все постельные принадлежности, подметали ковры, проветривали, просушивали вещи, вешая их на проволоку или на каком-нибудь выступе, но ни в коем случае не на плодовых деревьях, которые, по поверью, могли засохнуть (Мардонова 1989: 22).

Представление о «нечистоте» мертвого тела, «вредоносности» покойника оставило свой след и в погребальной обрядности узбеков Ферганы. К примеру, у них бытовал обычай заблаговременно выносить продукты и посуду из помещения, где лежал умирающий, чтобы они не стали ритуально нечистыми. После обмывания яму, куда стекала вода, заполняли вынутой из нее землей. На это место старались не наступать в течение года и более (Кармышева 1986: 140, 143, 146).

Кстати, обычай закапывания воды, использованной для обмывания покойника, бытовал не только у узбеков, но, как отмечалось выше, и у таджиков, а также у балкарцев, чеченцев, ингушей (Хасбулатова 1982: 39). По всей видимости, этот элемент обряда носит общемусульманский характер. Однако балкарцы иначе трактовали закапывание воды в укромном месте — они считали, что, наступив на нее, можно причинить вред умершему (ПМА).

Таким образом, вера во вредоносное влияние, исходящее от трупа, — древнейший тип представлений об опасности, грозящей живым со стороны мертвых. Многие факты красноречиво свидетельствуют о том, что наши предки опасались скорее тела, чем души умершего. Установлено, что в основе упомянутых представлений лежало понятие о «нечистоте» трупа. У одних народов это привело к существованию служителей культа мертвых — профессиональных обмывальщиков, могильщиков, которые считались нечистыми, их сторонились. У других народов это выразилось в «осторожном» обращении с телом покойника и предметами, контактировавшими с ним (закапывание воды, выбрасывание кружки после омовения и т.п.).

Способы очищения во многом универсальны (повсеместно для этого применяется вода), хотя встречаются и оригинальные варианты, например осыпание мукой присутствующих в доме покойника у гиссарских таджиков.

Библиография

- Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. Вып. 1.
Георгадзе Д.Т. Культ мёртвых в горной восточной Грузии: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Тбилиси, 1979.

Кармышева Б.Х. Архаичная символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.

Семёнов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966.

Мардонова А. Архаичные обряды и верования гиссарских таджиков: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1989.

Религиозные верования народов СССР. М., 1931. Т. II.

Хасбулатова З.И. Семейные обряды чеченцев и ингушей в конце XIX — начале XX вв. // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982.

Эфендиева Р.П. Традиционная погребально-поминальная обрядность азербайджанцев (конец XIX — начало XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1989.

И.Г. Семенов

ИЗ ГОРСКО-ЕВРЕЙСКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ: ДЕДЕЙ-ОЛ И СЕРГЮВИ

Возникновение горско-еврейской общины относится к ранне-му средневековью, когда довольно значительная группа иранских евреев была переселена на Восточный Кавказ. Позднее данная община пополнялась за счет новых миграций евреев из Ирана. Горские евреи, будучи по своей культуре яркими представителями переднеазиатского мира, за многие столетия своего проживания на Кавказе восприняли от соседних народов очень много элементов их культуры. Среди таких заимствований можно, в частности, указать на представления о демонологических персонажах Гудил, Кесен-бой, Гудур-бой, Земирей, Шэгьиту(н). Однако помимо кавказских заимствований в горско-еврейской демонологии сохранились и представления о таких персонажах, которые имеют явные связи с миром иранской культуры (Хюрсек и др.). К числу последних, возможно, относится и СергЮви (Ser'ovi; дословное значение в горско-еврейском — «Глава воды»), который иногда отождествляется с другим демонологическим персонажем — Дедей-Ол.

Первое описание демонов Дедей-Ол и СергЮви было дано И.Ш. Анисимовым в его известном труде «Кавказские еврей-горцы»: «Сер-Ови — водяной — имеет образ воздушной девы, белой как снег. В лунную ночь она сидит над фонтаном и охраняет воды, чтобы люди не бросали в них нечистоты. Иногда же Сер-Ови манит молодых людей к себе и топит их в воде, а стариков не трогает. Но Сер-Ови, по поверью народа, ужасно боится була-